

УДК 94(470)»1905»

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-76-88

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1905 ГОД В КРЫМУ

Волобуев О.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринята попытка по-новому взглянуть на события и политическую обстановку 1905 года в одной из губерний России. Автор прослеживает линии революционного движения – городскую, крестьянскую, матросско-солдатскую – и приходит к выводу, что они не были тесно взаимосвязаны, как это изображалось в советской историографии. Автор на основе источников показывает, что политические партии и, тем более, большевики не руководили революционным движением, но возбуждали его устной агитацией и печатным словом. Революция носила стихийный и бунтарский характер, который определялся низким уровнем общественного сознания.

Ключевые слова: Экономические и политические стачки, митинги и демонстрации, восстания на военных судах и в солдатских гарнизонах, политические партии, профсоюзы.

REVOLUTIONARY YEAR OF 1905 IN THE CRIMEA

O. Volobuev*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article attempts to take a fresh look at the events and the political situation in 1905 in one of the provinces of Russia. The author traces the line of the revolutionary movement – urban, peasant, and sailor-soldiers – and comes to the conclusion that they were not so closely interconnected as it was depicted in Soviet historiography. The author on the basis of the sources shows that the political parties and, especially, the Bolsheviks were not at the head of the revolutionary movement, but sharpened it with verbal campaigning and printed word. The revolution had spontaneous and rebellious nature, which was determined by the low level of public consciousness.

Key words: economic and political strikes, rallies and demonstrations, uprisings on the warships and in the garrisons, political parties, trade unions.

В советской историографии революционных событий начала XX в. в Таврической губернии внимание историков было сосредоточено на нескольких сюжетах: восстаниях на броненосце «Потемкин» в июне и на крейсере «Очаков» в ноябре 1905 г.; рабочем и крестьянском движении; роли большевиков в организации революционных выступлений. Известно, что броненосец «Потемкин», особенно благодаря фильму Сергея Эйзенштейна, стал одним из сим-

волов и Первой российской революции, и революционного флота. Но данный яркий эпизод революции, восстания (или бунта) матросов органически не связан с историей Крыма, в отличие от ноябрьского 1905 г. восстания матросов и солдат в Севастополе. Если в первом случае символом стихии революции является броненосец, то во втором символом героя революции является лейтенант П.П. Шмидт. Эти два восстания в статье разведены как не имеющее и имеющее прямое отношение к истории революционного движения на Крымском полуострове. В статье рассматриваются события, происходившие преимущественно в Крыму, а события в материковых трех уездах лишь затрагиваются, когда надо воссоздать картину революционной обстановки в губернии.

Рабочему и крестьянскому движению в Таврической губернии в советской историографии посвящены исследования Г.Н. Губенко и В.С. Горякиной. Существенным недостатком их является преувеличение влияния большевиков на выступления крестьян, рабочие стачки, городские митинги и демонстрации [1; 2]. В еще большей степени этот родовый порок советской историографии сказался на попытках создания обобщающей картины революционных событий 1905–1907 гг. в Крыму [5, с. 169–194; 7, с. 14–16]. Хотя «Очерки Крымской областной партийной организации» отделяют три десятилетия от «Очерков по истории Крыма», но концептуально-идеологические подходы к освещению событий Первой российской революции в них совпадают. Трудность, но старательно преодолеваемая за счет замалчивания деятельности других партий, заключалась

в том, что революционное движение в Крыму проходило (и это вынуждены были признавать даже авторы сочинения по истории крымской организации КПСС) «при отсутствии самостоятельных большевистских организаций и оформленных групп, несмотря на преобладание оппортунистов в Крымском союзе РСДРП...» [7, с. 26].

Более реалистичную картину 1905 – 1907 гг. в Крыму можно найти в советской исторической науке периода ее становления и периода, в годы перестройки, ее заката. В 1920 г. Крымским Истпартом были подготовлены статьи, к созданию которых привлекались участники революции. Самым ценным изданием по своей информативности является сборник статей, вышедших к двадцатилетию Первой российской революции [12].

Сразу же после «Кровавого воскресения» революционные организации Таврической губернии начинают активную агитационную и пропагандистскую деятельность. В одном из изданий Крымского Истпарта (со ссылкой на полицейские донесения) фигурирует цифра в 50000 экземпляров прокламаций и гектографированных брошюр, распространенных революционными организациями только в первые три месяца 1905 г. Приведем для подтверждения «потока» нелегальной агитационной литературы выдержку из донесения симферопольской полиции: «4-го февраля в разных местах города было обнаружено 461 экз, прокламаций разного содержания, 411 экз. – под названием «Ко всем рабочим и работницам»» [12, с. 15, 17]. И таких дней было много.

В городах проводились сходки рабочих, где принимались решения о

проведении стачек солидарности с рабочими Петербурга. В течение всего февраля нарастает стачечная волна: бастуют работники аптек, табачных фабрик и прачечных в Симферополе, портовые и типографские рабочие в Севастополе, фабричные рабочие в Феодосии. Особо следует выделить распространение забастовочного движения на Ялту и Евпаторию, в последней с 12 по 16 мая прошла всеобщая стачка. Зимой-весной 1905 г. наибольшее число стачек наблюдается в феврале. На февраль до Всероссийской Октябрьской стачки приходится также политические забастовки. Их немного: 2 политические и 4 смешанные (больше с экономическим уклоном). В общей сложности политические требования выдвигало порядка 600 стачечников. В апреле-мае происходят исключительно экономические стачки. Следующий взлет забастовок приходится на осень 1905 г. Всего в 1905 г. участвовало в стачечном движении 17563 человека (в том числе неоднократно). Из них на последние два месяца приходится 8370, т. е. половина участников. А из общего количества 78 забастовок только 14 имели ту или иную политическую окраску [1, с. 74].

После первомайских стачек и выступлений местные власти перевели губернию на положение усиленной охраны. Соответственно запрещались несанкционированные собрания и шествия. Но введение запретов и ограничений не могло приостановить бурление общественной жизни.

Забастовочное движение, представленное главным образом экономическими стачками, не имело тесной связи с политическими партиями, каковые в Таврической губернии были хотя и ак-

тивны, но малочисленны. Так, к концу 1905 г. местные организации РСДРП (все меньшевистской ориентации) насчитывали 700 человек. Эсеров было чуть побольше: свыше 1000 человек. В начале 1905 г. во всех значительных городах оформились группы анархистов. Имелись также представители национальных революционных партий – еврейских (Бунд, Поалей-Цион), армянских (Дашнакцутюн) [4, с. 10].

Возникла также небольшая крымскотатарская группа социалистов-федералистов в Симферополе. Революция положила начало политическому пробуждению крымскотатарской общности, хотя практически в революционном движении крымские татары почти не участвовали. Наиболее активная их часть составила весной 1905 г. петицию из 17 пунктов. В них ставились вопросы расширения прав и свобод мусульманского населения, участия в выборах депутатов будущей Думы, преподавания татарского языка, издания на нем периодической печати, преподавания в школе мусульманского вероучения, получения права занятия ремеслом и торговлей на всей территории империи. Но главным требованием было решение аграрного вопроса. По всем этим вопросам крымская делегация встречалась в Петербурге с высшими государственными деятелями империи – С.Ю. Витте и А.Г. Булыгиным [14, с. 99].

14–25 июня 1905 г. в России ознаменовано восстанием на броненосце «Потемкин». Оно не было прямо связано с революционным движением в самой Таврической губернии. Из всех крымских городов восставший броненосец заходил только в феодосийский порт. 22 июня в 7 часов утра «Потемкин»

после неудачной попытки поднять восстание в Одессе в сопровождении одного миноносца появился на рейде Феодосии. На броненосце развивался красный флаг. Отчаливший от судна катер с пятью матросскими посланцами пришвартовался на пристани. Собралась толпа, по свидетельству очевидцев, в 300–400 человек. Моряки раздавали листовки и требовали встречи с представителями города. На броненосец отправились городской голова Л.А. Дуранте и известный общественный деятель С.С. Крым. На встрече моряки потребовали обеспечения броненосца провиантом и углем. Начальник гарнизона дал согласие только на отпуск воды, продовольствия и медикаментов. Городские власти по этому вопросу обратились к губернатору, тот, в свою очередь – к министру внутренних дел. От товарища министра был получен следующий телеграфный ответ: «Снабжение «Потемкина» провиантом, углем и водою в высшей форме нежелательно с общегосударственной точки зрения. Но если, безусловно, не имеете средств к ограждению обывателей и избавлению города от разрушения, то поступайте сообразно обстоятельствам...» [12, с. 9]. Городской думой было выделено для мятежного броненосца 100 кулей муки, 30 пудов мяса, печеный хлеб, водка, вино и пиво – всего на сумму 1800 руб.

Однако не был решен вопрос о топливе. У думы такового не было. Тогда моряки решили отбуксировать находившуюся в порту баржу с углем. Но катер, посланный на буксировку, подвергся обстрелу по приказу начальника гарнизона. Моряки понесли потери, после чего катер вынужден был уйти под прикрытие броненосца, который

навел орудия на город. Началась паника. Городская управа обратилась к жителям с призывом покинуть дома в 24 часа. Людей грузили в товарные вагоны и отправляли в Керчь и Джанкой. Но Феодосия обстрелу так и не подверглась. 23 июня «Потемкин» с траверзы города ушел в открытое море.

Вторая революционная волна захлестнула Таврическую губернию в октябре–декабре 1905 г. Всероссийская политическая стачка началась в Крыму с забастовки железнодорожников и телеграфистов 10–11 октября в Феодосии, Джанкое, Симферополе. В Симферополе в стачке приняли участие рабочие табачных фабрик и типографий, приказчики и разные мастеровые. Но главные события развернулись уже после оглашения царского Манифеста от 17 октября.

В Симферополе Манифест был получен утром 18 октября. Волнения начались с появления демонстрантов с красным флагом у здания тюрьмы. Демонстранты стали требовать освобождения политзаключенных. Заключенные в этой обстановке устроили бунт и, взломав тюремные двери, присоединились к демонстрантам. Эскадрон крымской дивизии начал разгонять демонстрантов и вылавливать из толпы сбежавших «арестантов». Демонстранты вернулись в центр города и расположились в городском сквере, где ожидался намеченный ранее политический митинг демократической общественности.

По дороге революционная демонстрация столкнулась с демонстрацией «патриотической», «черносотенной». После короткого столкновения они разошлись и двинулись в разные стороны. Пострадал только пробитый

пулей провокатора царский портрет. Однако через какое-то время «патриотические» манифестанты с дубинками и другим «инструментарием миролюбия» окружили сквер, где проходил «революционный» митинг. Перевес и активность, да еще и полиция, были на стороне осаждавших. Самооборона попыталась освободить выходы из сквера, но была разгромлена [6, с. 300–306]. И, как писал один из современников, вскоре ««взрыв народного гнева» перенесся на еврейские спины, головы и магазины» [12, с. 30–31].

Еще более ужасными были события в Феодосии. Уже 18 октября вблизи железнодорожного вокзала собрался митинг. На следующий день в центре города, у концертного зала и памятника Александру III митинг, осеняемый красными и черными знаменами, продолжился. Параллельно среди портовых грузчиков шла организация «патриотической манифестации». Когда «черносотенцы» оказались на площади, где собрались «враги царя», в стычке выстрелом из револьвера был убит один из их руководителей, после чего началась расправа с «красными» демонстрантами. Кто мог, укрывались в концертном зале, но трехэтажное здание было осаждено и подожжено. Спасаясь, люди прыгали из окон и с крыши. Их добивали на земле. После «кровавого пожара» начался еврейский погром. В Керчи, пережившей еврейский погром в конце июля – начале августа 1905 г., на этот раз погрома не было. В середине декабря в Феодосию из Севастополя прибыли воинские соединения. 22 декабря город был объявлен на военном положении.

Наиболее масштабно события разворачивались в Севастополе.

Вечером 18 октября демонстранты, собравшиеся у тюрьмы, стали требовать освобождения политических заключенных. Существуют две версии развития событий. По одной из них тюремные ворота открылись, и стоявшие за ними солдаты расстреляли толпу. По другой толпа ворвалась в тюрьму, из толпы раздался провокационный выстрел и солдаты вынуждены были открыть огонь на поражение. Начались протестные забастовки и митинги. 20 октября наступил траурный день похорон погибших у стен тюрьмы. На похороны собралось от 10 до 20 тыс. человек. В могилы были опущены 8 гробов, и известный своими общественными выступлениями лейтенант П.П. Шмидт произнес свою знаменитую речь с рефреном «Клянемся», который вслед за ним повторяли пришедшие на похороны. В ней были и такие слова: «Клянемся, что мы никогда не уступим ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав!».

Отношения матросов с офицерами были напряженными. Так, в ноябре матросы крейсера «Очаков», в основном новобранцы, отказались приветствовать командира корабля, тот, в свою очередь, перестал здороваться с матросами. 10 ноября командир броненосца «Потемкин» рапортовал главному командиру Черноморского флота, «что большая часть команды заражена политической пропагандой», что матросы «считают себя вправе устраивать митинги по закоулкам корабля...» [10, с. 130].

Тревожная обстановка в Севастополе в ноябре 1905 г. обрисована в телеграмме вице-адмирала Г.Н. Чухнина военно-морскому министру А.А. Бирлеву, главный командир Черномор-

ского флота откровенно писал – «ожидая бунта»: «Начались сходки тысячи по две матросов и солдат – агитация идет (за) освобождение от суда матросов «Потемкина». Арестовать тысячи нельзя, на действие оружия против них рассчитывать тоже нельзя, чувствую, что с арестами и при действии оружием восстанет весь флот. Необходимо, не медля ни одного дня усилить войска, так как на здешние положить нельзя» [11, с. 98]. Эта телеграмма была отправлена 11 ноября, в день вооруженного инцидента, положившего начало самому мощному восстанию/бунту на Черноморском флоте. Ход событий хорошо известен и по рапортам Чухнина, и по материалам судебных процессов над восставшими. Картина восстания четко вырисовывается в ее развертывании по календарным дням, и она свидетельствует, что в Крыму власть, в том числе и военная, по словам современника, «находилась в полной прострации» [6, с. 275].

11 ноября. Суть утреннего инцидента сводилась к тому, что некий матрос (К.М. Петров) выстрелами из винтовки ранил двоих офицеров: контр-адмирала С.П. Писаревского и со смертельным исходом командира роты, посланной поддерживать порядок в случае намеченной матросской сходки. Стрелявший в офицеров был арестован, но матросы потребовали его освобождения. Боясь разрастания беспорядков, Петрова передали на поруки матросам. Однако группа матросов разоружила также присланную для поддержания порядка вторую роту солдат и начала созывать находившихся в казармах на митинг. Многие старослужащие скрывались от участия в нем. Дежурные офицеры были аресто-

ваны. До самого позднего вечера у казарм продолжалась сходка двух тысяч бунтующих матросов. На сходке были выработаны требования к начальству по улучшению положения низших чинов и было решено выбрать депутатов от всех воинских соединений для отстаивания интересов матросской массы.

12 ноября. Выбранные депутаты создали общий Совет для руководства массовой деятельностью, согласовали требования и с распечатанными текстами их отправились по своим судам и экипажам. В морских казармах продолжился начатый вчера митинг. Забастовка охватила портовых рабочих. Митингующие направились агитировать за присоединение к ним других воинских частей. Демонстрация под красными знаменами заполняла городской центр. Главное командование войсками, призванными подавить восстание, было поручено генералу А.Н. Меллер-Закомельскому.

13 ноября. По решению стачечного комитета движение поездов прекращено. Почта и телеграф не работают. Ночью в городе было установлено военное положение, а в крепости – осадное. Матросские депутаты с утра съехались по месту жительства лейтенанта Шмидта. Было ясно: восстание нуждается в управлении, едином руководстве. Как свидетельствовал один из депутатов, «Шмидт просмотрел требования команды и сказал, что все эти требования... для команды, а надо требовать Учредительного собрания, которое все даст» [11, с. 98]. Ненадежный Брестский полк вывели из города. Офицеры покинули крейсер «Очаков», который с этого момента стал восставшим кораблем-символом революции

матросов и солдат. Вечером Шмидт на ялике перебрался на Корабельную сторону для переговоров с матросами, старался убедить их не начинать вооруженного восстания. Как вспоминал сын лейтенанта Шмидта, вернувшись с переговоров, последний сетовал, что как он не «распинался», так и не смог доказать «бессмысленность их затей»: «Кончу – орут «Правильно!». Выйдет эс-дек... – и ему орут «Правильно!». Той же ночью приехали матросы и уговорили Шмидта возглавить восстание [Цит. по: 13, с. 94]. В этот день жандармский ротмистр Н.А. Васильев докладывал из Севастополя: «Между матросами единения нет» [10, с. 140].

14 ноября. Вице-адмирал Чухнин объезжает суда эскадры и зачитывает экипажам телеграмму императора с призывом прекратить смуту. Обнаружится приказ о переводе крепости на военное положение. Севастопольский градоначальник сообщает министру внутренних дел: «... Отдельные матросы верхом и пешком появляются в городе, собирают слушателей, объясняют им свои требования, сводящиеся к следующему: Учредительное собрание, выборы в думу на основании указанных четырех способов¹, осуществление четырех свобод², коренное изменение взаимных отношений начальствующих с подчиненными, улучшение быта нижних чинов». Вокруг Севастополя и в самом городе сосредоточиваются карательные силы под руководством Меллера-Закомельского. В этот день ротмистр Васильев сообщает: «... Настроение жителей крайне тревожное,

чернь против властей. <...> Мои агенты из страха отказались работать» [10, с. 141, 144].

15 ноября. Ночью ударными группами матросов было захвачено несколько миноносцев и вспомогательных судов. В 8 часов утра вместе с красным флагом над крейсером «Очаков» взвился сигнал «Командую флотом я. Шмидт». Шмидт отправляет императору телеграмму: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам» [10, с. 155]. В середине дня восставшим был предъявлен ультиматум о полной сдаче. Затем последовал двухчасовой артиллерийский обстрел примкнувших к восстанию судов. На виду у всего города был потоплен крейсер «Очаков», а также выведены из строя два миноносца. Шмидта вместе с сыном арестовали на борту одного из миноносцев.

Всего в рядах севастопольских бунтарей было до 8 тыс. повстанцев. Военная власть в Севастополе располагала 10 тыс. оставшихся верными присяге матросов и солдат. На ее стороне были также 22 корабля Черноморского флота. В грубом подсчете соотношение между революционной и верной присяге частью войска было примерно равным. Арестовано было в связи с мятежом 1600–1700 человек [13, с. 105]³. Людские потери – по несколько десятков человек с каждой стороны – были незначительны. Но в советской летописи Первой российской революции ноябрьские события на главной базе Черноморского флота

¹ Имеются в виду всеобщие, равные, прямые и тайные (закрытые) выборы.

² Имеются в виду свобода слова, печати, собраний, союзов.

³ Меллер-Закомельский сообщал о 2000 арестованных.

громко именовались «Севастопольский пожар». При всей преувеличенности основания для такого яркого образа имелись, учитывая испуг власти и общественный резонанс. Но выше уровня бунта нигде в Крыму никакие «революционные события» не поднимались. Уровень бунта соответствовал уровню общественного сознания масс.

В революционное движение втягивались и гимназисты старших классов. Заметные волнения учащихся происходили в 1905 г.: в марте – в Симферопольской гимназии, в октябре – в мужской гимназии и реальном училище Севастополя, в ноябре – в мужской и женской гимназиях Бердянска и Ялты.

Одной из особенностей городского революционного движения в Крыму при малочисленности местных радикальных партий и их слабости была активная организующая роль активистов рабочих коллективов. Они руководили стачками и создавали профессиональные союзы осенью 1905 и в течение 1906 г. В ноябре 1905 г. в Севастополе возник союз металлистов, который на первых порах существовал нелегально. Официально он был легализован как профсоюз портовых рабочих и объединил до 1000 человек. Часть его правления по обвинению в причастности к революционным действиям была арестована в декабре 1906 г., а весной 1907 г., перед майскими праздниками, 80% его членов получили расчет и право на бесплатный проезд в места, отдаленные от Севастополя. Наибольшее количество профсоюзов было создано в Симферополе. Это были объединения рабочих и ремесленников: железнодорожников, швейников (портных), сапожников, приказчиков, строителей,

связистов, печатников (типографских рабочих). Профсоюзы табачников и других специальностей создавались также в Феодосии и Керчи.

Образовывались и первые профсоюзы специалистов с более высоким образованием. Таковым было «Таврическое общество взаимопомощи виноградарей и виноделов» (1905), которое занималось преимущественно вопросами культурно-просветительного направления. Кроме виноградарей, в него вступали садоводы, лесоводы, землемеры, агрономы.

Революционные партии значительного влияния на большинство профсоюзных объединений не оказывали. Единства в политических предпочтениях не было. Под сильным влиянием эсеров находились союзы железнодорожников и строительных рабочих. Влияние социал-демократов было значительным в Феодосии. Надо отметить, что в составе отдельных местных профобъединений находились как революционно настроенные, так и монархически настроенные рабочие. Участник рабочего движения в Феодосии вспоминает о деятельности социал-демократов: «особое внимание обращается на работу среди грузчиков, так как уровень их сознания особенно низок, и из их среды черная сотня часто черпала свои силы» [12, с. 84]. Среди учителей в дни октябрьской и декабрьской 1905 г. забастовок в ряде школ агитаторов встречали враждебно. В учительской среде наблюдался раскол. В союзе работников просвещения революционные настроения преобладали только среди учителей начальных классов.

Крымские профсоюзы не были представлены ни на первой (сентябрь-

октябрь 1905), ни на второй Всероссийских конференциях. Наконец, на исходе 1906 г. был созван Таврический губернский съезд профсоюзов. В 1907 г. профсоюзное движение в Крыму сошло на нет¹.

Снизился в период спада революции и накал рабочего движения. За 1906 – май 1907 гг., по подсчетам В.С. Горякиной, общее количество забастовок – 39 – дало вдвое меньшую цифру по сравнению с 1905 г. В начале 1906 г. состоялись только 3 стачки в Керчи с участием 200 человек. Зато возросло число политических забастовок (14/28). Количество же политических демонстраций в период спада революционного движения было сведено к нулю, хотя в 1905 г. оно составляло 11 [1, с. 74, 76]; их заменил рост сходок и массовок, часто происходивших на пригородных территориях, а иногда и на выходивших в море лодках.

Между крестьянским и рабочим движением в Таврической губернии тесной связи не наблюдалось. Отчасти это может быть связано с этнонациональными особенностями. Так, крестьянское движение почти не затронуло крымскотатарское сельское население, хотя среди него процент малоземельных и безземельных крестьян был высок. Не затронуло оно также немецких, болгарских и греческих селян. Больше всего оно характерно для степной части губернии, особенно ее материковых уездов. Массовые проявления так называемых официально «беспорядков» наблюдаются с осени 1905 г. В ноябре 1905 г. исправник Днепровского уезда рапортует губернатору: «Аграрное движение продолжается

¹ В основу обзора профсоюзного движения положены [16, с. 109–138]; [9, с. 285–298].

с поразяющей быстротой. Владельцы, управляющие и служащие, охваченные паническим страхом, бросают экономии и с семьями уезжают...» [11, с. 130]. Нападения на экономии случались также в Симферопольском, Феодосийском, Евпаторийском уездах. Но нигде в Крыму, кроме Перекопского уезда, они не приобрели массового характера. Как отмечал современник, «крестьянство чутко воспринимало политические события и использовало благоприятные условия для осуществления своих собственных чаяний» [12, с. 33]. В ноябре 1905 г. в Симферополе прошло совещание крестьянских представителей, на котором было выработано «Обращение», призывающее к созданию Таврического губернского союза в рамках Всероссийского крестьянского союза. Были также изданы «Проект устава таврического губернского крестьянского союза» и «Тактика (действия) Крестьянского союза». Обращение организационного комитета гласило: «Все крестьяне смогут сговориться, действовать дружно, мирным путем и добиться таких законов, какие нужны для крестьян, какие справедливы для всего народа» [11, с. 130]. Однако съезд не состоялся, он был запрещен губернатором. Власть боялась легальных организаций и, тем самым, провоцировало бунтарские, с разгромами и поджогами, выступления.

Во всех донесениях местных уездных властей по поводу крестьянских волнений и в 1905 и 1906–1907 гг. содержатся просьбы о введении и присылке воинских соединений. Если в требованиях материковых уездов значительное место занимали вопросы аренды земли, то в требованиях крымских уездов преобладало повышение

оплаты сельскохозяйственных работ. Крестьяне настаивали не на трети помещичьей доли в урожае, как это было ранее, а на пятой ее части.

В конце 1905 г. в Крыму с образованием либеральных партий сложилась та многопартийность, которая просуществовала вплоть до 1917 г. Общая количественная картина по членам партий на 1907 г. выглядела следующим образом: социал-демократы – 1100 членов, эсеры – 4245, кадеты 1020, октябристы – 4714, Союз русского народа – 9 080. Их организации действовали главным образом в городах. Число местных групп давало следующую картину: социал-демократы – 10, эсеры – 17, кадеты – 7, октябристы – 8, правые монархисты – 30 [3, с. 78]¹. Политические активисты, что демонстрирует партийная статистика, концентрируются на противоположных полюсах.

Если 1905 г. был в Таврической губернии годом революции, то 1906 г. стал годом контрреволюции. Производились аресты, закрывались профсоюзы, запрещались газеты. Из Феодосии и Ялты высылались «подозрительные лица». В Керчи была запрещена после публикации карикатуры на Николая² популярная в Крыму газета «Южный курьер». Ее редактор М. Кристи вынужден был уйти в эмиграцию.

Одним из аспектов Первой российской революции являлся индивидуальный террор. Он был не только эсеровским, он был составной частью повседневности, входил, если так мож-

но сказать, в состав ее воздуха. Изготовление самодельных бомб и в целях самообороны, и в целях террористических актов стало в революционных группах обычным делом. Особенно террор получил распространение как акт мести и средство борьбы с полицейским произволом. В Керчи ненавистной фигурой был жандармский ротмистр Шереметов, охоту на которого открыли эсеры. Он был убит на пороге своего дома. В Севастополе организовывались покушения на вице-адмирала Г.П. Чухнина, генерала В.С. Неплюева и других офицеров.

Особенностью Первой российской революции было то, что это была децентрализованная революция. Ни Петербург, ни Москва не смогли стать центрами революции, как это получилось в 1917–1918 гг. В регионах, губерниях шла своя жизнь, о чем, например, свидетельствуют события в Таврической губернии, где они обрели черты типичной городской революции с отклонением в четко локализованные военные бунты. Можно сказать, что империя жила не в темпе единого революционного порыва, за исключением периода Всероссийской Октябрьской стачки, а была нашпигована множественными инфильтрациями общественного брожения разной степени гниения и воспаления. Частью общественного брожения был массовый психоз, революционный у одних и контрреволюционный – у других. Сын лейтенанта Шмидта, вспоминая те обжигающие дни, писал: «Массы опьянели от собственной решимости идти напролом и с какой-то истерической веселостью следили за ходом азартной игры, где ставкой была жизнь тысяч людей. Не знаю, что здесь преобладало, – «революционный энту-

¹ В цифровых данных разных подсчетов имеются расхождения, см. 1907 г.: [8, с. 39–40, 67–68, 112].

² Император был изображен свирепым быком с иконой между рогами.

зиазм» или отчаяние?» [15, с. 87]. Но не стоит при этом преувеличивать масштабы революционных проявлений. Следует признать обоснованным вывод крымского историка В.И. Королева о том, что революционные партии «настойчиво пытались втянуть социально активных граждан в конфронтацию с властями. Однако только мизерная часть населения восприняла леворадикальные лозунги». Тот же автор подчеркивает, что революционный процесс в Таврической губернии протекал менее бурно, чем, например, в Центре. Политическими выступлениями, по

его подсчетам, в 1901–1907 гг. было охвачено около 150 тыс. человек, а забастовочным движением – 40 тыс. Это составляет соответственно 14% и 3,8% населения Таврического края с учетом многократного участия одних и тех же лиц в повторяющихся манифестациях и забастовках [4, с. 58, 61].

Уже Первая российская революция показала, что мирного политического успокоения расколотому и малообразованному обществу, не подготовленному групповыми страстями к самоуправлению, добиться вряд ли удастся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горякина В.С. Робітничий рух у Таврійській губернії в 1905–1907 рр. // Український історичний журнал. 1975. № 1. С. 70–77.
2. Губенко Г.Н. Крестьянское движение в Таврической губернии в период революции 1905–1907 гг. // Труды Крымского областного краеведческого музея. Вып. 1. Симферополь: Крымиздат, 1961. 64 с.
3. Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71–87.
4. Королев В.И. Бунт на коленях (Политические партии в Таврической губернии 1905–1907). Симферополь: Таврия, 1993. 72 с.
5. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1. Симферополь: Крымиздат, 1951. 230 с.
6. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж: Ymka-Press. 1988. 752 с.
7. Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь: Таврия, 1981. 174 с.
8. Политические партии России: 1907–1917 гг. (количественный анализ) / сост. Н.Д. Постников. М.: МГОУ, 2001. 142 с.
9. Профессиональные союзы рабочих России, 1905-февраль 1917 г.: перечень организаций: в 2-х вып. Вып. 2 / сост. И.С. Розенталь. М.: ИИ СССР, 1985. 204 с.
10. Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года.: Документы и материалы. М.: Воениздат, 1957. 568 с.
11. Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг. : Сб. Документов и материалов. Симферополь: Крымиздат. 1955. 215 с.
12. Революция в Крыму (К двадцатилетию первой русской революции): Сб. / Истпарт, отдел Крымского областного комитета РКП(б). Крымгосиздат, 1925. 166 с.
13. Чикин А.М. Севастопольское противостояние. Год 1905-й. Севастополь: Библекс, 2006. 128 с.
14. Хаяли Р.И. Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке. Симферополь: Доля. 2008. 512 с.
15. Шмидт-Очаковский Е.П. Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»). Воспоминания

сына // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения. Вып. 4: Персонажи и герои книг К. Паустовского. Кн. 2. М.: Мир Паустовского, 2007. 240 с.

16. Штейнбах Е.М. Профдвижение в Крыму // Революция в Крыму. Исторический сборник Истпарта Крыма: к двадцатилетию первой русской революции. 1925. № 1 (5). С. 109–138.

REFERENCES

1. Goryakina V.S. Robitnichnii rukh u Tavriiskii gubernii v 1905–1907 gg. [The working movement in Taurida province in 1905–1907]. In: *Ukrainskii istorichnii zhurnal*, 1975, no. 1, pp. 70–77.
2. Gubenko G.N. Krest'yanskoe dvizhenie v Tavricheskoi gubernii v period revolyutsii 1905–1907 gg. [The peasant movement in Taurida province during the revolution of 1905–1907] / In Trudy Krymskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya, iss. 1. Simferopol, Krimizdat, 1961. 64 с.
3. Kiselev I.N., Korelin A.P., Shelokhaev V.V. Politicheskie partii Rossii v 1905–1907 gg.: chislennost', sostav, razmeshchenie (kolichestvennyi analiz) [Political parties in Russia in 1905–1907s: number, composition, placement (quantitative analysis)]. In: *Istoriya SSSR*, 1990, no. 4, pp. 71–87.
4. Korolev V.I. Bunt na kolenyakh (Politicheskie partii v Tavricheskoi gubernii 1905–1907 [Riot on the knees (the Political parties in Taurida province in 1905–1907s)]. Simferopol, Tavriya, 1993. 72 p.
5. Nadinskii P.N. Ocherki po istorii Kryma. Ch. 1 [Essays on the history of the Crimea. Part 1]. Simferopol, Krymizdat, 1951. 230 p.
6. Obolenskii V.A. Moya zhizn'. Moi sovremenniki [My life. My contemporaries]. Paris, Ymka-Press, 1988. 752 p.
7. Ocherki istorii Krymskoi oblastnoi partiinoi organizatsii [Essays on the history of the Crimean regional party organization]. Simferopol, Tavriya, 1981. 174 p.
8. Politicheskie partii Rossii: 1907 [Political parties in Russia: 1907–1917 years (quantitative analysis)]. N.D. Postnikov. Moscow, MGOU, 2001. 142 p.
9. Professional'nye soyuzy rabochikh Rossii, 1905-fevral' 1917 g.: perechen' organizatsii: v 2 vyp. Vyp. 2. Cost. I.S. Rozental' [Trade unions of workers of Russia in 1905 and February of 1917: the list of organizations: in 2 vol. Vol. 2. Comp. I.S. Rosenthal]. Moscow, II SSSR, 1985. 204 p.
10. Sevastopol'skoe vooruzhennoe vosstanie v noyabre 1905 goda.: Dokumenty i materialy [Sevastopol armed uprising in November 1905: Documents and materials]. Moscow, Voenizdat, 1957. 568 p.
11. Revolyutsionnoe dvizhenie v Tavricheskoi gubernii v 1905–1907 gg. Sbornik dokumentov i materialov [The revolutionary movement in the Taurida governorate in 1905–1907. Collection of documents and materials]. Simferopol, Krymizdat, 1955. 215 p.
12. Revolyutsiya v Krymu (K dvadtsatiletiyu pervoi russkoi revolyutsii): Sb. Istpart, otdel Krymskogo oblastnogo komiteta RKP(b) [The revolution in the Crimea (the twentieth anniversary of the first Russian revolution): Sat. Istpart, the Department of the Crimean regional Committee of RCP(b)]. Krimgotische, 1925. 166 p.
13. Chikin A.M. Sevastopol'skoe protivostoyanie. God 1905-i [Sevastopol's confrontation. The year of 1905]. Sevastopol, Bibleks, 2006. 128 p.
14. Khayali R.I. Ocherki istorii obshchestvenno-politicheskoi i kul'turnoi zhizni krymskikh tatar v XX veke [Essays on the history of socio-political and cultural life of the Crimean Tatars in the twentieth century]. Simferopol, Dolya, 2008. 512 p.

15. Shmidt-Ochakovskii E.P. Leitenant Shmidt («Krasnyi admiral»). Vospominaniya syna [Lieutenant Schmidt ("Red Admiral").Memories of a son] K.G. Paustovskii. Materialy i soobshcheniya. Vypusk 4: Personazhi i geroi knig K. Paustovskogo. Kn. 2. [K.G. Paustovsky. Materials and messages. Issue 4: Characters and heroes in books of K. Paustovsky. Book 2]. Moscow, Mir Paustovskogo, pp. 240
  16. Shteinbakh E.M. Profdvizhenie v Krymu [The trade union movement in the Crimea] // Revolyutsiya v Krymu. Istoricheskii sbornik Isparta Kryma: k dvadtsatiletyu pervoi russkoi revolyutsii, 1925, no. 1 (5), pp. 109–138.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Full Member of the International Academy of Higher School, Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow State Regional University;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волобуев О.В. Революционный 1905 год в Крыму // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 76–88. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-76-88

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

O. Volobuev. Revolutionary year of 1905 in the Crimea. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 3, pp. 76–88.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-76-88